

Мы последовали за слугой в Чертог Сяньцзюй, прошли через галереи и вышли во двор, где издали слышали звуки цитры. Подойдя ближе, увидели матушку, восседающую на единственном во дворе стуле. Перед ней стоял низкий столик, и она с улыбкой беседовала с Туаньэр.

Во дворе звучала цитра. Обернувшись, я заметила Цуй Мин-дэ, играющую на цитре, а рядом с ней стояла Ваньэр. Дугу Шао и несколько служанок гоняли мяч, а другие считали: «Девятьсот, девятьсот один... девятьсот двадцать восемь».

Матушка, увидев меня, поманила. Ваньэр тут же посторонилась. Я подошла и встала рядом, слушая, как матушка говорит: «Посмотри-ка».

Я последовала за её взглядом и увидела, что Дугу Шао состязалась в цуцзюй с несколькими служанками. Все они уже выбивались из сил, лишь одна А-Шао то подбрасывала мяч вперёд, то откидывала назад, совершенно непринуждённо.

Вскоре служанки, обессилев, сдались. Туаньэр объявила: «Госпожа Дугу уже победила, можно не продолжать».

Дугу Шао улыбнулась ей, сменила движение и неспеша подбросила мяч ещё несколько раз. Приблизившись к тысяче, она позволила себе довольную улыбку, подцепила мяч носком и резко отправила его вперёд. Несколько служанок вскрикнули, позабыв счёт, и все устремили взоры вверх, следя за полётом. Даже матушка воскликнула: «Жаль!»

Но в самый миг всеобщего изумления Дугу Шао резко подпрыгнула, упёрлась рукой в землю, сделала боковое сальто и, встав на одну ногу, другой уверенно поймала мяч, провозгласив: «Тысяча».

Краткое молчание, и двор взорвался шумными возгласами. Матушка с улыбкой похвалила: «Искусно!» — и, обратившись к Туаньэр, добавила: «Награди».

Туаньэр улыбнулась и велела раздать деньги. Те, кто только что состязался с Дугу Шао, поспешно принялись подбирать монеты. Дугу Шао, не ожидавшая такого подарка, на мгновение застыла, а затем, услышав, как Туаньэр говорит: «Госпожа Дугу, разве вы не желаете награды?», медленно наклонилась, подняла одну монету и, сложив руки в приветствии, обратилась к матушке: «Благодарю Ваше Величество за милость».

Матушка рассмеялась: «Туаньэр шутит. Дугу Шао — дочь чиновника, как можно награждать её, словно артистку из Цзяофан? Пожаловать ей сто отрезков парчи. Цуй Мин-дэ хорошо играла на цитре, тоже пожаловать сто отрезков шёлка».

Туаньэр поклонилась: «Я проявила глупость. Увидев, что госпожа привела с собой нескольких юных госпож, подумала, что это семейная встреча, и не приготовила достойной награды, вышло, что обидела госпожу Дугу».

Дугу Шао рассмеялась и, вновь сложив руки, сказала: «Если Ваше Величество и вправду желает наградить меня, то одна эта монета дороже любых тканей. Будь у меня выбор, я бы предпочла именно эту одну монету, а не обычные дары».

Матушка с интересом спросила: «О? Это почему же?»

Та с улыбкой взглянула на Туаньэр: «Парча и шёлк, хоть и ценны, но суть обычные дары из казны. Сотня-другая — не более чем формальность, исполнение долга казнохранилищем. А эта

монета — иное дело. Когда Ваше Величество жалуёт деньги, то счёт идёт на тысячи, на десятки тысяч. Лишь шутя, награждая младших членов семьи, может даровать одну-две монеты. Если мне посчастливится получить „одну“ монету, это будет означать, что Ваше Величество соизволило считать меня подобной домохозятке. Вот это и будет безмерная особая милость. Осмелюсь просить Ваше Величество пожаловать мне именно эту честь — „одной монеты“, а не обычных даров».

Матушка громко рассмеялась: «Вы, юные девицы, одна другой хитрее! Если я не награжу, так ещё молву дурную пустят. Ладно, монету жалую, и парчу тоже жалую. И славу, и награду, и внешнее, и внутреннее — всё получите, как будет?»

Только тогда Дугу Шао с улыбкой вместе с Цуй Мин-дэ поблагодарила за милость. Видя, что матушка в прекрасном расположении духа, я задумалась, стоит ли докладывать ей о событиях утра, но вспомнила, что у второго брата скудный скарб, и, хотя Ли Жуй отправил посланника, не факт, что тот позаботился о зимней одежде. Пожалуй, лучше мне здесь же попросить матушку приказать чиновникам обеспечить его одеждой и припасами по сезону — раз она специально послала меня проведать его, значит, в сердце всё же хранит к нему жалость... верно?

Пока я колебалась, Ваньэр тихо приблизилась, поклонилась матушке и сказала: «Ваше Величество, можно уже переместиться для любования хризантемами».

Матушка словно очнулась и улыбнулась: «Чуть не забыла! Пойдёмте, отправимся в Павильон Луцзюй любоваться цветами. Чьи стихи или проза окажутся лучше — того ждёт щедрая награда!» — Затем взяла меня за руку: «Давно не проверяла твои уроки, не знаю, как ты преуспеваешь. Когда они будут сочинять, и ты тоже сочиняй. Если выйдет плохо, учитель строго накажет».

Тут только я вспомнила, что матушка несколько дней назад упоминала о пире в честь цветов, куда пригласила многих приближённых сановников и поэтов, а я совсем позабыла. Во время пиршества говорить о делах низложенного наследного принца было бы неуместно, так что пришлось просто сопровождать матушку. Садясь в паланкин, я не увидела А-Хуань и Сяньсянь и спросила у слуг. Мне ответили: «Только что Шангуань Цайжэнь вызвала их для допроса».

Тогда я поняла: матушка не забыла о втором брате, просто на людях не желала о нём говорить. Сердце моё успокоилось, и я предалась празднику. Из-за утренних событий с А-Хуань настроение моё было приподнятым, и, хотя день выдался суетливым, я не чувствовала ни усталости, ни сонливости. Я даже сочинила два коротких стихотворения. Хотя и не шедевры, но вполне сносные, за что получила от матушки множество наград — тех самых, что Дугу Шао назвала «обычными дарами», не стоящими упоминания. Не устояв перед уговорами Дугу Шао и других, я нарушила данное себе слово не пить и пригубила пару бокалов. По окончании пира, слегка опьянев, я вышла из Павильона Луцзюй и снова не увидела А-Хуань. Только собралась расспросить слуг, как появилась Ваньэр, взяла меня за руку и сказала: «Мне нужно сказать принцессе несколько слов».

Я в недоумении взглянула на неё. Она отвела меня в сторону: «Ныне шестой принц стал наследным принцем, а второй принц низложен. С ним надлежит обращаться по ритуалу для простолюдинов, дабы отсечь надежды в Поднебесной. Потому те, кто утром чинил обиды начальнику почтовой станции и оказывал чрезмерные почести второму принцу, получили выговор — не слишком строгий, но и не слишком мягкий. Всё это для виду, не потому что принцесса совершила какую-либо ошибку. Прошу принцессу не принимать близко к сердцу».

(Часть текста в примечаниях автора)

Примечания автора:

Хмель мгновенно выветрился из головы. Я ухватила Ваньэр: «Какой выговор? А-Хуань... что с Вэй Хуань?»

Ваньэр взглянула на меня: «Пожаловали двадцать ударов палками. Для посторонних это представлено лишь как выговор слугам покоев принцессы, имя госпожи Вэй не упоминалось, дабы не повредить её репутации. Принцессе не о чем беспокоиться».

Впервые в жизни я возненавидела это её лицо — всегда бесстрастное, невозмутимое, даже когда утешает, словно исполняет обычную обязанность.

Должно быть, выражение моего лица было ужасающим, потому что евнухи у входа, завидев меня, съёжились и не смели дышать.

Фэн Шилян и Сун Фою лично ожидали меня у ворот. Не дав им раскрыть рты, я резко спросила: «Где А-Хуань?»

Сун Фою ответила: «В своей комнате. Уже отрядили двух человек для присмотра». Она хотела помочь мне сойти с паланкина, но я отмахнулась, спрыгнула сама и крупными шагами направилась к покоям А-Хуань. Проходя мимо окна, я учуяла тяжёлый запах лекарств. У самой двери мельком увидела, что она лежит на кровати ничком — то ли спит, то ли без сознания, неподвижная, отчего на душе стало тревожно и тоскливо.

Я замерла на пороге, затаив дыхание. Служанки в панике бросились будить А-Хуань, но Сяолан шикнула на них, прогнала и ловко проводила меня внутрь, пододвинув к ложу А-Хуань жаровню, после чего тихо вышла, притворив дверь.

К счастью, А-Хуань не была без сознания, а лишь дремала. Едва я села, она уже почувяла, медленно повернула голову и смутно позвала: «Тайпин?»

Первое, что бросилось в глаза, — её мертвенная бледность. Кожа её не была особенно светлой, но сейчас и лицо, и губы были белы, как снег. В глазах у меня заныло, горячие слёзы покатались градом. Я поспешно вытерла их рукавом: «Какая же ты смелая! Даже не знаешь, кто вошёл, есть ли рядом люди, и так просто зовёшь. А если бы это был не я?»

Она слабо улыбнулась: «Я знала, что это ты, потому и позвала».

Я фыркнула, откинула шёлковое покрывало. Верхняя часть её тела была обнажена, открывая спину. Утром эта спина была гладкой, нежной, с ровной кожей, а теперь от лопаток и почти до поясницы виднелись пятна — кровавые следы, смешанные с мазью, зрелище, ранящее сердце.

Я невольно закусила губу, слёзы снова закапали крупными каплями. Я повысила голос: «Как вы ухаживаете?! Что это за дрянная мазь, такой вид! Несите хорошее лекарство!»

У двери в панике возникли четыре служанки. А-Хуань тихо простонала, рукой потянула покрывало, чтобы прикрыться, и слабо прошептала: «Шангуань Цайжэнь уже дала лекарство, оно самое лучшее. Ты... тётка Эрнян, не тревожь понапрасну других».